

S T U D I A P H I L O L O G I C A

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

Т. А. Михайлова

ГРАММАТИКА
НЕРЕАЛЬНОГО

К анализу структуры
средневекового нарратива

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Москва 2022

УДК 80/81
ББК 81.2Ирл-2
М69

Монография публикуется по постановлению
Ученого совета Института языкоznания РАН

Исследование выполнено в рамках работы над инициативным проектом
Российского фонда фундаментальных исследований

№ 18-012-00131а «Грамматика нереального: к анализу семантики и pragmatики текста
кельтской и германской средневековой нарративной и поэтической традиции»

Р е ц е н з е н т ы:

доктор филологических наук профессор *E. P. Сквайрс*,
кандидат филологических наук *E. A. Парина*,

О т в е т с в е н н ы й р е д а к т о р:

доктор филологических наук *Анна. А. Зализняк*

Михайлова Т. А.

М69 Грамматика нереального: к анализу структуры средневекового нарратива. —
2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. — 280 с. — (Studia philologica).
ISBN 978-5-907498-31-0

В основе исследования лежит реконструируемая автором структура текста, который несет в себе историческую, псевдоисторическую, а также вымышленную, но допустимую информацию, анализ функции опорной детали при передаче этой информации, а также предполагаемые взаимоотношения компилятора текстов подобного рода с его предполагаемой аудиторией. Издание адресовано всем, кто занимается или интересуется средневековой европейской литературой.

The book consists of essays closely related not only by their material but rather by their main problematic: a structure of narratives with historical, pseudo-historical and purely fictitious, but assumed information, the function of details of this kind of stories and the supposed relationships of the compiler and his addressee. Addressed to the scholars and students interested in Medieval European literature.

УДК 80/81
ББК 81.2Ирл-2

*В оформлении первой сторонки переплета использована
репродукция гобелена «Пленение единорога»,
для задней сторонки переплета — фотография Н. Богданович*

ISBN 978-5-907498-31-0

© Т. А. Михайлова, 2022
© Издательский Дом ЯСК, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Роль прецедентной «детали» в псевдоисторическом нarrативе (о Дракуле, Рюрике и сне Гостомысла)	13
Три брата и «Устроение земли» Ирландии в изображении Гиральда Камбрийского: странные схождения и неожиданные параллели	28
Шотландский эпизод саги «Преследование сыновей Уснеха» как переселенческое предание	59
Происхождение и функция архетипа «каузативной детали» в развитии и кросскультурных переходах легенды о Тристане и Изольде	71
Святой Киаран: карающая длань?	96
О возможных кельтских источниках мотивной схемы предания о Рыцаре с лебедем	113
Даллан Форгалл: обретенное зрение	128
<i>Лишиь битвы я вижу...</i> Кумская сивилла в ирландском эпосе: видение или видение!	146
Женские образы в эпическом тексте: анализ изобразительных средств (на материале ирландского сагового нарратива)	160
«Прием наблюдателя»: узнавание ~ опознание?	213
Претерито-презентные альтернации в системе древнеирландского сагового нарратива	233
<i>И тут он увидел эту женщину...</i> или об одном «аномальном» употреблении артикля в древнеирландском языке	247
Список литературы	258

ОТ АВТОРА

Настоящее издание посвящено средневековому нарративу, иными словами — текстам, основной задачей которых является не дидактика, не сохранение юридической или генеалогической традиции, не передача эмоций, а просто — рассказ о том, что было. Или — может быть — о том, чего не было. Или о том, о чем точно никто ничего не знает. По крайней мере, именно такой аспект привлекал мое внимание в ходе работы над проектом «Грамматика нереального», ориентированным на вскрытие нарративных механизмов текстов, которые сочетают в себе установку на достоверность и сомнение в этой достоверности. Однако, как писал Поль Зюмтор, «наука во все времена есть не более, чем система экспликативного **вымысла**, производное от одного из главных условий нашей интеллектуальной деятельности — веры в способность реальности образовывать знаковые системы» [Зюмтор 2003: 12].

Охарактеризовать кратко, в «двух словах» особенности средневекового европейского нарратива, наверное, можно так: проницаемость и прецедентность. Автор, а часто мы уже имеем реального или — легендарного автора текста, не ставил своей задачей создание нового сюжета, придумывание новых персонажей или новых концовок. Он брал то, что уже есть, причем — есть и в рукописях, и в устном предании, и в иноязычных воплощениях. Он не сочинял, а перекладывал новыми словами нечто, чего ждала от него аудитория, причем не «безмолвствующее большинство», как назвал его в свое время А. Я. Гуревич (см. [Гуревич 1990]), а, напротив, образованное элитарное меньшинство, клир и нобилитет, исполненные достоинства и не допускающие обмана горизонта собственных ожиданий. Этот очень узкий круг, а точнее — тонкая прослойка, выделялся своей приобщенностью к письменному Слову. По точному определению

Д. Пуарьюна, средневековая интертекстуальность определялась в первую очередь «письмом и переписыванием» (*écriture et ré-écriture*), «предполагающими в первую очередь соучастие процессе создания текста» [Poirion 1981: 109]. Проницаемость, как я понимаю употребляемый мною термин, безусловно во многом оказывается синонимичной столь широко уже описанной интертекстуальности (как писал, например, М. Фримэн еще в 1981 году, «многочисленные исследования, посвященные интертекстуальности в области французского средневекового романа соотносятся со структуралистскими исследованиями и, как можно было бы сказать, поселились сейчас под одной крышей» [Freeman 1981: 50]¹), однако полностью назвать их идентичными мне не кажется верным. Да, во многом действительно речь также идет о переводе как переложении или намеренном подражании, о заимствовании сюжетов, мотивов и даже — отдельных приемов, однако выделенная мною проницаемость представляет собой скорее процесс неосознанный, в ходе которого происходит проникновение как иноязычных моделей и сюжетов (конечно, в первую очередь — обработка античных сюжетов, но не только), так и устного предания, циркулирующего также в узком кругу «письменного слова». В ряде случаев мы можем проследить путь заимствования и предположить его исходный источник, однако чаще этот путь оказывается утраченным. Более того, одна и та же деталь текста, попав в иное окружение, может утратить собственную исходную функциональность и орнаментизироваться или даже напротив — обрести новое значение в составе иной парадигмы (более конкретно сказанное иллюстрируется в разделе, посвященном преданию о Тристане и Изольде).

Происходило это, скорее всего, еще не осознанно, и этим проницаемость Средневековья отличается от откровенной аллюзивности более позднего времени², сохранившейся в качестве не столько литературного, сколько шире — коммуникативного приема и сейчас. Продолжая эту идею, мы невольно приходим к выводу о соотнесении собственно литературного (художественного) текста с языком как оформленной структурой, ориентированного на сведущего читателя (слушателя),

¹ Отсылаем читателя в данном случае к полному тексту выпуска журнала «*Littérature*» (Vol. 41: *Intertextualité Médiévale: Intertextualité et roman en France, Moyen Age, Persée*, 1981) как к показательному документу своего времени, а вернее — этапа в развитии медиевистики.

² См., например, работу М. Матье-Кастеллани о структуре «намека» (*allusion*) в поэзии французского Возрождения [Mathieu-Castellani 1984].

который может быть уподоблен компетентному адресату. Отчасти об этом писал и А. В. Циммерлинг, когда анализировал структуру высказывания в рамках структуры саги (исландской). Как он пишет, «Синтаксис саги можно назвать коммуникативно проницаемым в том смысле, что границы синтаксического целого совпадают с границами сообщения» [Циммерлинг 1996: 105]. Но уподобление текста в целом синтаксической сентенциональной структуре автоматически требует выделения и микроструктур уже в рамках самого текста или даже — цикла. И, собственно говоря, во многом именно этой цели я следовала, когда писала отдельные разделы-очерки настоящей книги. Для меня главным было каждый раз — выявить своего рода схему, которая, как можно предположить, начинает работать сама, если в нее включается, вливается, встраивается то или иное содержание.

Проблема авторства таким образом оказывается как бы снятой вообще, поскольку им не мог быть ни переписчик, ни стоящий у него за спиной сказитель, причем сказитель — в самом широком смысле: и профессиональный Певец, носитель эпической традиции, относящийся к более арахайическим дописьменным и дохристианским временам, и просто — сочинитель и украшатель псевдоисторической информации, тот, кто охотно гlossenировал ранние тексты, пересказывал и переиначивал древние предания и даже, может быть, иногда писал лирические стихи. Наверное, в узком смысле слова его нельзя назвать автором даже этих, маргинальных строф (о которых в этой книге, кстати, я ничего и не пишу, но которые, безусловно, достойны специального исследования).

Но, конечно, все было не совсем так, и автор все-таки оставался или — становился Автором и неизбежно привносил в свой текст что-то и свое, точнее, что-то, что характеризовало окружающую его культурную среду-рецептор, а также нечто, что опиралось на вполне реальные события, описанные в хрониках и «деяниях», но затем было переработано и так густо орнаментализовано, что исходное историческое событие уже практически и не опознавалось. Поразительно ярким примером здесь оказывается тема призыва в Британию саксов, которая автоматически вписывается в структурную схему переселенческих преданий в целом. Как мы можем предположить, саксы действительно могли быть призваны в Британию для защиты от скотов и пиктов, но исторический факт немедленно превратился в легенду, которая со временем автоматически начала обрасти своими сенченциальными сирконстантами, которые позволили включить ее в традиционную схему с братьями, призваниями и женитьбой

(то ли местного правителя, то ли — на дочери местного правителя). Тема эта для нашей страны, естественно, очень актуальна, но аналогичный рассказ о воцарении саксов в Британии, в отличие от нашего сдержанного сообщения о призвании «варягов», оброс в трудах Ненния, Готфрида Монмутского, Гиральда Камбрейского, Васа такими яркими подробностями, которые ни Гильде Премудрому, ни Беде Досточтимому, которые, видимо, первыми запустили этот мотивный шар в псевдоисторическую традицию, и представиться не могли. Так уже в куртуазном романе XII в. Васа, написанном на англо-норманнском диалекте, появляется Ровена с золотым кубком, который она подносит королю Вортигерну, говоря при этом уже по-древнеанглийски (см. [Lamont 2013]), а викинги, неоднократно нападавшие на Ирландию в IX–XI вв., вдруг в интерпретации Гиральда оказываются... призванными на остров, в котором «порядка нет». И приходят, естественно, три брата.

Бродячий сюжет требовал установки на достоверность, причем каждый раз — искал подтверждающие себя самого прецедентные детали (вот и вторая отмеченная мною характерная для средневекового нарратива черта). Но менялось не только время и национальная среда, сюжет лавировал и между жанрами, принимая невольно желаемый и ожидаемый от него облик. И остается лишь удивляться, как мало перемен при этом происходило, как стойки оказывались образы и как тверды были сюжетные структуры. При этом установка на достоверность (например, характерная для сочинений скорее исторических) поразительным образом менялась, рассеивалась, уступая место скорее традиции «вымысла», что увеличивалось во много раз при переходе в инозычную среду и иную культуру (см. об этом, например, в [Евдокимова 2002: 5–6]). Поэтому грамматика исторической правды начинает представлять уже как своего рода «грамматика нереального», как синтаксис вымысла. Именно поэтому, как мне кажется, столь важными оказываются ссылки на авторитеты, а в саговом нарративе — введение закадровой фигуры наблюдателя, чьими глазами, будто бы, компилятор призывает свою аудиторию оценивать и воспринимать рассказ о событиях, которые, может быть, имели место, а может быть, уже и нет.

Средневековые не стремились создавать новые сюжеты и образы, но при этом, конечно, оно же их и создавало, черпая вдохновение, как принято считать, из трех источников — германской псевдоисторической повести (Нибелунги!), античного мира и мира библейского (см. [Грабарь-Пассек 1966]) и, наконец, из совершенно аморфного